

М. Качурин, М. Шнеерсон

Взаимоотношения Онегина и Ленского

Стоит проследить, как раскрываются в романе взаимоотношения Онегина и Ленского.

Вначале Пушкин говорит о том, как непрочны мотивы их дружбы:

Так люди (первый каюсь я)
От делать нечего друзья.

Представления Ленского о дружбе возвышенны, романтичны:

Он верил, что друзья готовы
За честь его приять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами,
Когда-нибудь, нас озарит
И мир блаженством одарит.

Онегин смотрел на дружбу более трезво и холодно. Но вместе с тем Онегин противопоставляется себялюбивым эгоистам, почитающим «всех нулями, а единицами себя»:

Сноснее многих был Евгений;
Хоть он людей, конечно, знал
И вообще их презирал,
Но (правил нет без исключений)
Иных он очень отличал —
И вчуже чувство уважал.

Несомненно, Онегин отличал и Ленского не только от Петушковых и Буяновых, но и от своих великосветских друзей. Онегин очень скоро постиг особенности натуры Ленского и сумел умно, гуманно подойти к наивному, но благородному юноше.

Он охладительное слово
И без меня пора придет;
В устах старался удержать
Пускай покамест он живет
И думал: глупо мне мешать
Да верит мира совершенству;
Его минутному блаженству;
Простим горячке юных лет
И юный жар и юный бред.

Афоризм, завершающий раздумья Онегина, обличает в нем человека умного, наблюдательного и гуманного.

Но всегда ли следовал Евгений тому, что выражено в этих размышлениях? Остановимся на диалогах Ленского и Онегина в III главе. Беседа друзей, начинающая главу, замечательна живой непринужденностью. В каждой реплике Ленского и Онегина видны их характеры. Речь Ленского полна высокопарных эмоций:

Я модный свет ваш ненавижу;
Милее мне домашний круг,
Где я могу...

Речь Онегина проста и исполнена ленивой дружеской иронии:

Куда? Уж эти мне поэты!

.....
 Ну что ж? ты едешь: очень жаль.
 Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль
 Увидеть мне Филлиду эту...

Еще более характерна беседа друзей, возвращающихся от Лариных.

Изъявляя свое желание быть представленным Лариным, Онегин мотивировал его тем, что ему хочется «увидеть... Филлиду эту», то есть любимую Ленского. Вполне естественно ожидать, что после встречи с ней он заговорит с Ленским о предмете его любви, выскажет свое мнение об Ольге. Конечно, влюбленный поэт не сомневался в том, что мнение это будет благоприятным. И вот друзья остались одни. Но Онегин молчит и зеваёт. Ленский сам начинает с ним разговор. В его словах чувствуется беспокойное желание узнать мнение Онегина, хотя прямо задать вопрос об Ольге Владимир не решается. Его смущает рассеянность и некоторая угрюмость друга.

— Ну что ж, Онегин? Ты зевашь. —
 «Привычка, Ленский». — Но скучашь
 Ты как-то больше. — «Нет, равно...»

Онегин так и не отвечает на скрытый вопрос друга и равнодушно говорит о том, что Владимира меньше всего интересуется:

Однако в поле уж темно;
 Скорей! пошел, пошел, Андрюшка!
 Какие глупые места!
 А кстати: Ларина проста,
 Но очень милая старушка;
 Боюсь: брусничная вода
 Мне не наделала б вреда.

В самом порядке предметов, которых касается Онегин, чувствуется холодная рассеянность, пренебрежение к Ольге, к чувствам Ленского.

И далее любопытная деталь: Онегин начинает все же разговор о сестрах, но первое имя, которое он упоминает, — Татьяна:

Скажи: которая Татьяна?

Но как же так? Онегин поехал для того, чтобы увидеть Ольгу, и даже не заметил, которая из сестер — Ольга, которая Татьяна. Это странно. Но в чем причина этой странности?

Может быть, все дело в холодной рассеянности Онегина. Он был представлен во время визита и милой старушке Лариной, и ее дочерям, но не был достаточно внимателен, чтобы запомнить сразу, кого как зовут. Но при этом он отлично разобрался в сравнительных достоинствах сестер Лариных. Может быть, он спрашивает нарочно, чтобы позлить Ленского?

Онегину достаточно беглого взгляда, чтобы оценить человека. Но интерес его к людям притуплен, верх постоянно берут рассеянность, холод, скука, хандра. И в состоянии этой хандры он, вряд ли с намерением, скорее просто подчиняясь чувству безотчетного раздражения, жестоко обижает своего восторженного друга.

Дальнейшая ссора с Ленским закономерна, она подготовлялась подобными столкновениями и неизбежно должна была вспыхнуть, так как «над любовью робкой, нежной» Онегин до рокового бала у Лариных не раз уже небрежно шутил.

Однако в V главе Пушкин рисует еще одну картину дружеской встречи Ленского и Онегина. В этой сцене всячески подчеркнута их дружба: она проявляется и в том, что Ленский открывает свое сердце перед Онегиным («разговорился вновь про Ольгу»), и в обращениях Владимира к другу: «милый», «мой друг», «как ты мил».

Беседа Ленского и Онегина протекает в поэтической обстановке, и это подчеркивает прелесть дружеских бесед, душевной близости двух людей.

Огонь потух; едва золою
Подернут уголь золотой;
Едва заметною струею
Виется пар, и теплотой
Камин чуть дышит. Дым из трубок
В трубу уходит. Светлый кубок
Еще шипит среди стола.
Вечерняя находит мгла...

Описание этой последней дружеской встречи Онегина и Ленского особенно подчеркивает трагизм надвигающихся событий.

В VI главе автор показывает, что Онегин не выдержал испытания в дружбе, и произносит суд над своим героем. Его месть Ленскому на балу у Лариных — проявление того равнодушного, недоброго отношения к чувствам юноши, которое в менее резкой форме проявлялось уже и ранее.

Чудак, попав на пир огромный,
Уж был сердит. Но, девы томной
Замея трепетный порыв,
С досады взоры опустив,
Надулся он и, негодуя,
Поклялся Ленского взбесить
И уж порядком отомстить.

Автор явно не сочувствует Онегину, называя его чудачком, употребляя грубоватые просторечия: надулся, взбесить.

Осуждение героя дается в связи с предстоящей дуэлью:

...но Евгений
Наедине с своей душой
Был недоволен сам собой.

«И поделом», — замечает Пушкин.

Бесспорно, Онегина положительно характеризует то, что он способен к тайному суду над самим собой. Его мучит совесть, он обвиняет сам себя, детально разбирает, в чем именно был неправ. И кажется, что вот-вот Онегин бросится к Ленскому и протянет ему руку. Но не тут-то было. Упрекая себя, Онегин уже знает, что он будет стрелять в Ленского. Ни чувства дружбы, ни жалости к юноше, почти ребенку, ни просто мужества у Онегина не хватило. Больше всего его пугает, что «в это дело»

Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шепот, хохотня глупцов...

И Пушкин с горестной насмешкой и гневом вынужден признать духовный крах своего «доброего приятеля», не сумевшего стать выше светской черни:

И вот общественное мнение!
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!

Таким образом, Онегин в угоду этому общественному мнению принимает вызов от друга, которого сам же и оскорбил.

Пушкин, говоря о своих героях, называет их по-разному: до начала дуэли: друг, приятель («Звал друга Ленский на дуэль», «С приятелем стреляюсь я»). Но вот приближается развязка:

Враги стоят, потупя взор.
Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?..

Далее автор называет Онегина и Ленского то врагами, то друзьями, как бы подчеркивая этим нелепость, дикость их вражды:

Плащи бросают два врага
Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной,
Друзей развел по крайний след,
И каждый взял свой пистолет.

Но в следующей строфе, где раздался роковой выстрел, звучит только слово враг.

...Хладнокровно,
Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступени.

Метод сопоставления, контраста, часто используемый Пушкиным в романе, блестяще применен в финале сцены дуэли для раскрытия трагедии «убийцы юного поэта». В тот момент, когда Онегин стоит над трупом Ленского, молчание прерывает голос Зарецкого.

В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Ленского Евгений.
«Ну, что ж? убит», – решил сосед.
Убит!.. Сим страшным восклицаньем
Сражен, Онегин с содроганьем
Отходит и людей зовет.

Сравним слова, выразительно передающие чувства Онегина: «стиснув пистолет», «сражен», «с содроганьем отходит» с ремаркой «решил сосед», указывающей на полное спокойствие Зарецкого и безразличие по отношению к совершившемуся.

Именно это страшное для Онегина восклицание навсегда запомнилось ему потому, что восклицание «старого дуэлиста» заставило Онегина в эту страшную минуту с особенной ясностью понять, что он совершил непоправимое преступление из страха перед такими ничтожествами, как Зарецкий.

Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день...

И ни странствия по России, ни новые впечатления, ни любовь к Татьяне — ничто не помогло Онегину забыть убитого поэта.